

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ*

Одним из наиболее сложных и неразработанных вопросов древней и ранне-средневековой истории СССР является вопрос о происхождении народов нашей страны. Буржуазная наука, исходившая при решении этногонических вопросов из расистских представлений и националистических тенденций, чрезвычайно усложнила и запутала этот вопрос. Советская историческая наука решает его совершенно заново, накапливая соответствующие фактические материалы и рассматривая их в свете марксизма-ленинизма, в свете трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина по теории национального вопроса.

Советская наука исходит при этом из того основного теоретического положения, что процесс образования народностей и национальностей является процессом историческим. Он определяется прежде всего внутренними социально-экономическими условиями, зависит от уровня их развития.

Характер этногонического процесса зависит также и от конкретно-исторической обстановки. Вместе с этническими традициями, значение которых не следует преуменьшать, конкретно-исторические условия в значительной мере определяют специфическую (национальную) форму культуры того или иного народа, той или другой национальности.

Выдающееся значение для исследований в области происхождения народностей и наций имеют работы И. В. Сталина, посвященные вопросам языка и языкознания, явившиеся новым крупнейшим вкладом в теорию исторического материализма. В этих работах И. В. Сталин показал, что взгляды акад. Н. Я. Марра на язык, как надстройку, как явление классового порядка, его взгляды на развитие языка, получившие значительное распространение в среде не только советских языковедов, но и представителей исторических дисциплин, не имеют ничего общего с марксизмом. В своей работе И. В. Сталин широко раскрыл основы марксистской теории языка, как орудия общения людей, общественного явления, непосредственно связанного с производственной и иной деятельностью людей в обществе, но порожденного отнюдь не тем или иным экономическим строем общества, не той или иной степенью общественной жизни. «Язык порожден не тем или иным базисом, старым

* Публикуемые здесь исследования по этногенезу чувашского народа представляют собой доклады, прочитанные авторами на сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР и Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории 30—31 января 1950 г. Статьи находились уже в наборе, когда были опубликованы работы И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания» и «Ответ товарищам», ценнейшие указания которых авторы постарались учесть.

или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений»¹.

Известно, что язык является одним из важнейших признаков, определяющих племя, народность, нацию. Он составляет национальную форму их культуры. Поэтому взгляды Н. Я. Марра на развитие языка, не критически воспринятые историками и археологами, занимающимися вопросами происхождения народов нашей страны, привели к ряду ошибочных построений и в этой области. Характерным примером является вопрос о происхождении чувашского народа, который рассматривался Н. Я. Марром, как народ в своей основе яфетический, сохраняющий в своем языке черты яфетической стадии.

И. В. Сталин показал, что «теория» стадиального развития языка, из которой исходил Н. Я. Марр, не соответствует действительному ходу развития языка, является немарксистской теорией. Тем самым внесена ясность и в вопрос о происхождении чувашского народа, и перед исследованиями в этой области открылись широкие научные перспективы.

1

Теория происхождения чувашского народа, принятая в настоящее время большинством советских историков и лингвистов, представляет полную противоположность существовавшим ранее буржуазным концепциям. Согласно последним, чувашский народ рассматривался как осколок некогда якобы существовавшего тюркского мира. Его непосредственными предками, по мнению буржуазных ученых (А. А. Куник, А. А. Шахматов, Н. И. Ашмарин и др.), являлись волжские болгары, народ, пришедший на Волгу из приазовских степей и основавший Волжскую или Камскую Болгарию. Упомянутые ученые исходили из того, что среди современных народов, живущих в пределах территории Волжской Болгарии, один лишь чувашский народ обнаруживает в своем языке древние тюркские черты. Другим аргументом в пользу болгарской теории явились несколько отдельных чувашских слов и имен, обнаруженных на болгарских могильных плитах с арабскими надписями. Никаких иных данных в пользу болгарской теории в распоряжении буржуазной науки не имелось.

Шаткость фактических данных, на основании которых была построена болгарская теория, является совершенно очевидной. В свете известий древних авторов бесспорно, что Волжская Болгария не отличалась от всех других государств древности — была государством отнюдь не национальным, а включавшим в свои границы ряд различных племен.

Волжская Болгария являлась несомненно лишь незначительным шагом вперед по сравнению с государствами Цезаря или Карла Великого, которые И. В. Сталин характеризует как «военно-административные объединения», «конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»². В Волжскую Болгарию входили как местные, так и пришлые племена, в болгарских городах звучала разная речь. Собственно болгары, т. е. население, пришедшее в Волго-Камье из приазовских степей, также отнюдь не составляли единую в этническом отношении группу. На основании, главным образом, археологических, а также исторических данных, в настоящее время устанавливается, что население восточноевропейских степей во второй половине первого тысячелетия н. э. представляло собой весьма сложное в этническом отношении образование. Его основу составляли различные сармато-аланские племена, смешавшиеся с тюркскими элементами, представленными,

¹ И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании, Изд. «Правда», М., 1950, стр. 5.

² Там же, стр. 11.

зо-первых, в гуннских ордах IV—V столетий н. э. и, во-вторых, в ордах азарских, проникших в Европу в VI столетии н. э. Такое сочетание сармато-аланских и тюркских элементов прекрасно выявляется по материалам северокавказских, донских и донецких (салтово-маяцких) городищ и могильников. Такую же точно смешанную сармато-алано-тюркскую материальную культуру принесли болгары Аспаруха на Дунай, где она, судя по материалам раскопок в древних болгарских городах — Плиске и Преславе, сохранялась в течение двух-трех поколений, прежде чем раствориться в местной славянской среде.

Таким образом, вопрос о происхождении чувашского народа болгарской теорией отнюдь не решался. Утверждение, что чуваша являются болгарскими, было равносильно попытке построить уравнение из двух одинаково неизвестных величин.

При характеристике болгарской теории происхождения чувашского народа нельзя, однако, ограничиться указанием на слабость ее фактического основания и теоретическую порочность. Теория эта возникла и получила широкое хождение, прежде всего, как теория националистическая, отвечающая интересам пантюркистов, с одной стороны, и чувашских националистов, с другой. Болгарская теория являлась неотъемлемой частью пантюркистской легенды о древнем тюркском народе, сыгравшем якобы исключительную роль в историческом процессе; это миф о великодержавном государстве болгар — чувашей, господствующих над всеми другими народами Поволжья. Недаром враги советского народа в первые годы после Октября широко пропагандировали эту теорию, пытаясь посеять национальную рознь между тюркоязычными народами и великим русским народом, между чувашским народом и другими народами Поволжья.

2

Известно, что почти все народы Поволжья состоят из двух или большего числа частей. Таковы две основные группы мордовского народа — мокша и эрзя, к которым добавляются тюрюхане, каратаи и шокша. Марийцы сохранили отчетливое деление на горных и луговых. Чувашский народ также состоит из двух основных частей, отличающихся друг от друга по языку и материальной культуре. Речь идет о верховых чувашах — «вирьял», занимающих северо-западную часть Чувашии, и низовых — «анатри», обитающих в юго-западной половине чувашской земли. Третья чувашская группа — «анат-енчи», находящаяся между первой и второй, большинством этнографов рассматривается не как самостоятельная часть чувашского народа, а как результат смешения вирьял и анатри. Надо полагать, что в сложном составе народов Поволжья сохраняются следы древних племен, их изучение может пролить яркий свет на вопросы этногонии. Особенно интересно при этом, что это деление чувашского народа на две части имеет длительную предисторию, восходящую к II тысячелетию до н. э.

Для характеристики древних племен северо-западной Чувашии мы располагаем в настоящее время следующим археологическим материалом.

1. Около Козловки у деревни Баланово был открыт и исследован обширный могильник³, а в Ядринском районе вблизи деревни Атлинки — курган⁴, относящиеся к середине второго тысячелетия до н. э. и принадлежащие к группе археологических памятников, распространенных в Восточном Поволжье и получивших наименование фатьяновских

³ Ю. В. Валиев, Могильник в урочище Карабай близ деревни Баланово в Чувашии, «Советская этнология», т. VI, 1940.

⁴ П. Н. Третьяков, Из материалов Средневолжской экспедиции, Сообщения ГИИ, ист.-этногр. и археол. культуры, 1931, № 3.

по имени могильника у деревни Фатьяново Ярославской обл. Фатьяновские племена были первыми в Верхнем Поволжье скотоводческими племенами, возможно, знакомыми также и с земледелием. Это были первые в этих местах племена, познакомившиеся с металлом — медью и бронзой. Предположение Т. А. Трофимовой о южном, кавказском происхождении населения, оставившего Балановский могильник⁵, которое еще требует проверки, даже в том случае, если оно окажется справедливым, не меняет существа дела. Культура балановцев — их хозяйство и быт — имели отчетливый северный, лесной характер.

2. В этой же части Чувашской АССР известны многочисленные курганы второй половины второго тысячелетия до н. э., называемые абашевскими по имени с. Абашево Цивильского района Чувашской АССР, где они были впервые исследованы в 1925 г. В. Ф. Смолиным⁶. Как показали исследования последующих лет, абашевские племена обитали не только на территории северных и центральных районов Чувашии, но и далеко за их пределами (в северном, северо-западном и северо-восточном направлении). Абашевские курганы известны на Нижней Оке около Муром⁷, в бассейне Верхней Оки у с. Огуби⁸ и на берегу Плещеева озера⁹. В виде клада характерные абашевские вещи — бронзовые орудия и украшения из бронзы и серебра были найдены в Приуралье около Верхнего Кизила. Там же известны места древних поселений, принадлежавших, как предполагают, или абашевцам, или близким им по культуре племенам¹⁰.

3. В пределах Чувашской АССР, по берегам Волги и Суры, известно несколько древних поселений первого тысячелетия до н. э., характеризующихся так называемой «сетчатой» или «текстильной» керамикой, такой же, какая известна на многочисленных городищах и селищах в бассейне Оки и Верхней Волги.

4. Около с. Ивановково на Нижней Суре¹¹ и вблизи деревни Криуши на берегу Волги в устье р. Аниш¹² были исследованы могильники начала и середины первого тысячелетия н. э., близкие хорошо известным древнемордовским, муромским, марийским и мерянским могильникам того же времени. Вблизи с. Яндашево в низовьях р. Цивиль найдены бронзовые украшения пьяноборского облика¹³, распространенные на рубеже и в начале нашей эры у племен Прикамья и Поволжья.

5. В этих же северных и северо-западных районах Чувашской АССР, принадлежащих чувашам-вирьял, известно несколько десятков городищ середины и второй половины первого тысячелетия н. э.¹⁴ Городища представляют собой миниатюрные укрепления, расположенные обычно на мысах высокого берега. При раскопках на них была найдена глиняная посуда, вылепленная без помощи гончарного круга, грузила от сетей и кости домашнего скота. По общему облику эти городища и сделанные на них находки близко напоминают аналогичные памятники соседней мордовской земли.

6. Наконец, следует указать на многочисленные киве-сава — язы-

⁵ См. Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 1949, № 3.

⁶ В. Ф. Смолин, Абашевский могильник в Чувашской республике, Чебоксары, 1928.

⁷ Раскопки Б. А. Куфтина. Гос. Эрмитаж.

⁸ Раскопки В. И. Городцова. Гос. Исторический музей.

⁹ Раскопки Я. В. Станкевич и автора настоящей статьи 1939 г. Ярославский обл. музей.

¹⁰ «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», 1941, стр. 131—136.

¹¹ См. П. П. Ефименко, Средневожская экспедиция 1925—1927 гг., Сообщение Гос. академии истории материальной культуры, т. II, 1929.

¹² См. П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья, Чебоксары, 1948, стр. 55—56.

¹³ См. там же, стр. 53.

¹⁴ См. там же, стр. 46 и след., 65 и сл.

Кладбища XVI—XVIII вв., повсюду известные в земле чувашей-вирьял. Изучение остатков женского костюма, происходящих из киве-сава, выявляет некоторые особенности, сближающие древний костюм вирьял с марийским. Такой деталью костюма является, в частности, подвешенная сзади к головному убору кисть из толстых шерстяных шнуров, унизанных бронзовыми трубочками — пронизками. По сообщению Т. А. Крюковой, один такой чувашский убор имеется в коллекциях Государственного этнографического музея в Ленинграде. Известной параллелью с древними памятниками марийцев являются также и многочисленные чувашские «кереметища» XVI—XVIII вв., как и киве-сава, повсюду известные в земле чувашей-вирьял.

В итоге сделанного выше обзора археологических памятников северо-западной части Чувашской земли можно сделать вывод, что в этой части Чувашии с глубокой древности обитали племена, тесно связанные по своей материальной культуре с соседним, более северным, западным и восточным поволжским населением — населением лесных пространств Среднего и Верхнего Поволжья. Можно утверждать также, что с этим населением генетически связывается та часть чувашского народа, которая называется «вирьял» и которая по сей день сохранила в своем быту многие черты, сходные с культурой соседнего марийского, а отчасти мордовского и удмуртского народов. Дать более определенную картину этногонического процесса в этой части Чувашии при настоящем состоянии источников не представляется возможным. Нам неизвестно, в каком отношении друг к другу стояли племена, оставившие перечисленные выше группы археологических памятников, — составляли ли они непрерывную цепь автохтонного развития или же это были племена разного происхождения, сменявшие друг друга на территории Чувашии. Вероятно также, что далеко не все группы археологических памятников северо-западной Чувашии нами в настоящее время выявлены и изучены. Однако трудно допустить, чтобы будущие открытия смогли поколебать основной вывод — вывод о местном происхождении чувашских племен, входящих в состав чувашей-вирьял, и о том, что их предки были тесно связаны с другими лесными племенами.

3

Археологические памятники южной части Чувашской республики, принадлежащей чувашам-анатри, известны значительно хуже, чем древности в области чувашей-вирьял. Однако и то немногое, чем мы располагаем в настоящее время, позволяет утверждать, что, начиная с отдаленного прошлого, здесь обитало население, заметно отличающееся от описанного выше. Здесь издавна жили племена, связанные с более южными областями, со степным Средним Поволжьем.

В то время, когда во втором тысячелетии до н. э. в северной части чувашской территории обитали абашевские племена, на юге были распространены племена с иной культурой, хорошо известные по исследованиям, произведенным советскими археологами в Куйбышевской и Саратовской областях и получившие наименование хвалынских¹⁵. Два таких хвалынских кургана были исследованы П. П. Ефименко в 1927 г. в с. Байбатырево Ялчикского района на берегу р. Булы. В одном из них оказалось 16 могил, содержащих погребения, сопровождаемые характерной глиняной посудой и другими предметами, в другом — одна могила¹⁶. В отличие от абашевских курганов, хвалынские курганы име-

¹⁵ П. С. Рыков. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье, «Изв. Краеведческого ин-та при Саратовском ин-те», т. II, 1927.

¹⁶ П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья, стр. 40.

ют значительные размеры, расплывчатые очертания и не образуют больших групп. Такие курганы известны в ряде пунктов по Буле, Кубне и другим рекам южной Чувашии. Рядом с курганами на территории южной Чувашии имеются остатки поселений хвалынских племен. Одно из них, находящееся в урочище Ветъхва-сырми около с. Байбатырева, подвергнуто в 1927 г. небольшим исследованиям, во время которых были найдены обломки глиняной посуды и кости домашних животных: коровы, лошади, овцы и свиньи.

Исследования последних лет, произведенные в различных частях Среднего Поволжья, показали, что хвалынские племена, занимавшие во втором тысячелетии до н. э. огромную область по обеим сторонам Средней и отчасти Нижней Волги, должны рассматриваться в качестве предков двух обширных групп населения, известных в Поволжье в последующее время — в первом тысячелетии до н. э. Одной из них являлись оседлые скотоводческо-земледельческие племена, оставившие хвалынские, саратовские и куйбышевские городища. Их рассматривают обычно в качестве древнейших мордовских, а может быть и бургасских племен. Другую группу составляли савроматские — сарматские племена, кочевое скотоводческое население, возникшее в степном Поволжье на основе местных племен эпохи бронзы в условиях широкого контакта с населением, обитавшим на восток от течения Волги.

Какими путями шел в этот период этногонический процесс на территории южной Чувашии, — пока неизвестно, так как никаких археологических памятников первого тысячелетия до н. э. там не обнаружено. Представляется, однако, бесспорным, что процесс сарматизации близко коснулся населения чувашского Поволжья.

Вопрос этот приобретает особый интерес в связи с тем, что сармато-аланские племена восточноевропейских степей в середине первого тысячелетия н. э., как известно, подверглись тюркизации. Это произошло в результате проникновения в Европу сначала гуннских кочевых орд, затем аваров и др. Большинство из них являлось кочевым населением территории современного Казахстана, родственным европейским сарматским племенам. Они несли с собой, однако, тюркский язык, превращающийся в этот период — период военной демократии, союзов племен и «великого переселения народов» — в господствующий язык кочевнического населения евразийских степей.

Отсюда можно сделать предположение, что тюркизация некоторых племен Волго-Камья — явление очень старое, начавшееся в середине первого тысячелетия н. э. Болгары, появившиеся в Волго-Камье в VII—VIII вв. н. э. и представлявшие собой тюркизованное сармато-аланское население Приазовья, отнюдь не были этнической группой, совершенно чуждой многим местным племенам. Их приход не вызвал, вероятно, принципиальных изменений в ходе этногонического процесса в Волго-Камье, а лишь усилил и завершил то, что началось значительно раньше.

Именно этим, по видимому, объясняется то различие в судьбах болгарских племен — племен завоевателей — в Дунайской и Волжской Болгариях. На Дунае болгары Аспаруха очень скоро растворились и бесследно исчезли вместе со своим языком в местной славянской среде. На Волге, где они, как и на Дунае, составляли, несомненно, меньшинство по сравнению с местным населением, тюркский язык победил. Это произошло, во-первых, потому, что процесс тюркизации уже затронул племена Поволжья, а, во-вторых, потому, что здесь болгары встретились с целым рядом различных племен, тогда как на Дунае они попали в однородную славянскую среду, стоящую на более высокой ступени исторического развития.

Серьезное влияние на развитие культуры и языка всех местных племен оказало возникновение в Волго-Камье ряда крупных торгово-ремесленных городов, связывающих Восточную Европу со странами Средней

Азии. Именно на этом этапе исторической жизни племен Поволжья должен был завершиться как процесс тюркизации, так и процесс консолидации древних племен в более крупные этнические образования.

Интересно при этом отметить, что культура, свойственная Болгарскому царству, была представлена на территории не всей Чувашии, а главным образом в ее южной части — в земле чувашей — анатри. Там, в бассейне р. Булы и Кубни, известны болгарские городища — остатки больших обнесенных высокими валами городов и небольших, но сильно укрепленных замков. Примером городища первого типа может служить огромное болгарское укрепление у деревни Деушевой на Свияге, имеющее в окружности около двух километров. Феодалными замками являлись городище у деревни Большая Тояба на р. Буле, городище около т. Тигишево на р. Большой Буле, Япончино городище в низовьях р. Кубни и др. Вокруг них известны многочисленные сельские поселения болгарской поры. В этих же местах, связывая городища и сельские поселения в единую систему, вдоль рек тянутся на десятки километров мощные земляные валы, такие же, как и в других местах Волжской Болгарии. Они предназначались для защиты владений болгарской знати от вражеских вторжений¹⁷.

В северных районах Чувашской АССР остатки болгарской культуры почти не известны. В настоящее время возможно назвать лишь два пункта — небольшое поселение сельского характера в устье р. Анишь около Козловки, где была найдена характерная болгарская посуда и некоторые другие вещи X—XIII вв.¹⁸, и город Чебоксары, где обнаружены подобные же находки. Никаких городищ болгарского характера и валов на земле чувашей-вирьял не имеется. К этому же времени там относятся городища совсем иного характера, отмеченные выше при перечислении археологических памятников северо-западной Чувашии под пунктом 5.

Отсюда можно сделать вывод, что в болгарское время чувашский народ как единое целое еще не сложился. Древние различия между северным и южным населением были еще достаточно сильны. Несомненно, однако, что болгарское время с его классовым обществом и государственностью, с городской жизнью, торговыми связями и другими своеобразными чертами экономики и быта должно было создать благоприятные условия для культурно-этнического сближения отдельных частей волго-камского населения.

Можно думать, что последующие XIV—XVI столетия явились временем, когда процесс сложения народов Волго-Камья, в том числе чувашского народа, в основных чертах достиг своего завершения. Древние различия при этом не исчезли бесследно; они сохранялись и в языке и в материальной культуре, сохраняются они и в настоящее время. Но они уже давно отошли на второй план, заслонились теми явлениями культуры, которые становились общими для всего чувашского населения. Так исподволь сложились чувашский язык, территория и культурная общность — элементы чувашской нации.

«Довечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический», — указывает товарищ Сталин. «Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при определенных благоприятных условиях»¹⁹.

В дальнейшем история чувашского народа протекала в тесном

¹⁷ См. П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья, стр. 58—61.

¹⁸ См. там же, стр. 62.

¹⁹ И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 336.

взаимодействии с историей русского народа. Здесь имеется в виду до-революционное время, когда экономическая жизнь чувашского народа, являвшегося одной из угнетенных национальностей царской России, развивалась в рамках общероссийской экономики, чему способствовало местоположение Чувашии на берегах Волги — важнейшей экономической артерии страны. Особенно же здесь имеются в виду годы Великой Октябрьской социалистической революции, когда чувашский народ вместе с великим русским народом поднялся против общего врага, и советское время, когда в результате победы социализма в СССР чувашский народ сложился в социалистическую нацию.

4

Вопрос о происхождении чувашского народа может получить удовлетворительное решение лишь в том случае, если он будет рассматриваться в неразрывной связи с вопросом о происхождении всех других народов Волго-Камья и в первую очередь с вопросом о происхождении татарского народа.

В результате работ советских археологов, этнографов, антропологов и лингвистов в настоящее время установлено, что пути этногенеза казанских татар в основных чертах были теми же, что и пути чувашского этногенеза. Татарский народ сложился в итоге длительного развития местных племен и смешения их с тюркоязычными болгарскими элементами, проникшими в Волго-Камье в последней четверти первого тысячелетия н. э. Известную роль в татарском этногенезе сыграло, несомненно, также и татаро-монгольское завоевание, особенно образование на развалинах Волжской Болгарии Казанского ханства. В этот период в местную среду проникли кипчакские (половецкие) элементы, составлявшие основную массу населения европейской части Золотой Орды²⁰.

Устанавливая значительную общность этногонических судеб чувашского и татарского народов, необходимо ответить и на другой вопрос: как же следует объяснять различия между этими народами, почему в области Волго-Камья на месте Болгарского государства сложился не один тюркоязычный народ, а два — чувашский и татарский? Разрешение этого вопроса далеко выходит за рамки археологических данных и может быть дано преимущественно на основании этнографических и лингвистических материалов. Поэтому мы нисколько не претендуем на решение этого вопроса и останавливаемся на нем лишь потому, что здесь наметилась некоторая тенденция, с которой никак нельзя примириться.

Речь идет о попытках некоторых исследователей превратить болгарское наследство в объект дележа между татарским и чувашским народами, тогда как очевидно, что оно является таким же общим достоянием обоих народов, каким является наследство Киевской Руси для русского, украинского и белорусского народов. Попытки эти имели место, в частности, на научной сессии, посвященной вопросам происхождения татарского народа, состоявшейся в Москве в 1946 г.

Так, А. П. Смирнов, давший на основании археологических данных очень убедительную картину этногенеза татарского народа в указанном выше плане, усматривает разницу между татарами и чувашами в том, что татары — это потомки якобы собственно болгар, тогда как чувашаши — потомки болгарского племени суваров²¹. Такой вывод, поддержанный некоторыми другими исследователями, находится, однако, в противоречии с концепцией самого А. П. Смирнова. Противоречие это заклю-

²⁰ Сборн. «Происхождение казанских татар», Казань, 1948.

²¹ См. там же, стр. 148.

чается не только в том, что пришельцы — болгары — снова оказываются здесь главным предком татарского и чувашского народов, что не соответствует фактическим данным, сколько в том, что сами болгары изображаются по сути дела в качестве двух монолитных этнических групп, чего в действительности не было. Как указывалось выше, болгарские племена Приазовья представляли собой в этническом отношении весьма пестрое образование. Предполагать, что в пределах Волжской Болгарии с ее оживленной торговой жизнью существовали болгары и сувары как две различные этнические группы, конечно, не приходится.

Нельзя не остановиться также на попытках некоторых татарских лингвистов рассматривать татарский народ в качестве прямых потомков волжских болгар, а чувашей — лишь как одно из племен, входивших в состав государства Волжской Болгарии. «Казанский татарский язык является прямым продолжением болгарского языка», — говорит А. Б. Булатов. «Нельзя сделать вывод, — здесь же заявляет он, — о чувашах, что они являются прямыми потомками болгар»²². Археологические данные решительно протестуют против представлений такого рода. Мы видели выше, что на территории Чувашии находились болгарские города, мощные земляные валы, тянущиеся на десятки километров, и замки болгарской знати. В южной Чувашии находился центр одного из болгарских княжеств; это отнюдь не была глухая провинция Волжской Болгарии. На территории Татарии также располагались подобные же городские и сельские феодальные центры, где местное население смешивалось с болгарским. В некоторых областях Татарии, как и на севере Чувашии, имеются места, где болгарских городов и феодальных владений не было. Жившее здесь население, несомненно, сохраняло долгое время свои древние специфические черты культуры. Какое же основание ставить чувашский народ в иное отношение к болгарскому наследству, чем народ татарский?

По мнению тюркологов чувашский язык является самым старым среди тюркских языков²³. На этом основании некоторые лингвисты делают заключения о какой-то особой древности чувашского народа. По мнению Р. М. Раимова, чувашаи — это остаток какого-то древнего народа, болгары — потомки чуваш, а татары — потомки болгар. В качестве аргумента в пользу этого фантастического взгляда Р. М. Раимов приводит данные этнографии. Культура, быт и язык чувашского народа послеболгарского периода, по его мнению, стояли якобы на более низкой ступени развития, чем культура, быт и язык Волжской Болгарии²⁴.

Все это, несомненно, глубоко ошибочно и теоретически несостоятельно. Никакого древнего чувашского народа, предшествующего Волжской Болгарии в эпоху первобытно-общинного строя, не было и не могло быть. Нельзя сравнивать культуру чувашской деревни послеболгарского времени с культурой болгарских торговых городов, а также с культурой феодальной болгарской знати и на этом основании делать вывод о том, что чувашаи стояли на более низком культурном уровне, чем болгары. Когда Р. М. Раимов говорит, что чувашаи могли бы рассматриваться в качестве потомков болгар лишь в том случае, если бы «уровень культуры, который был достигнут в Булгарской период, сохранился у чувашского народа», он всецело находится в плену пресловутой теории единого потока и идеализирует болгарское прошлое. То немногое, что нам известно о деревне болгарского времени, свидетельствует о весьма примитивном патриархальном быте, уровень которого был несравненно ниже старинного чувашского быта, который нам позволяет

²² См. «Сочинения казанских татар», Казань, 1948, стр. 142.

²³ См. там же, стр. 117.

²⁴ См. там же, стр. 144.

восстановить археология, этнография и фольклористика. При обсуждении вопроса о происхождении татарского народа совершенно прав был Ш. П. Типеев, когда он говорил следующее: «Булгарское государство являлось культурным государством в прошлом. Я верю в это условно. Да, старый Булгар и новый Булгар-Казань — являлись культурными центрами в Поволжье. Но являлась ли вся Булгария культурным центром?... Мне думается, Булгария не была культурно цельным образованием. Старый Булгар и новый Булгар (г. Казань), преимущественно с населением из булгарских племен, выделялись как пышно развившиеся торговые центры среди варварских племен, входивших в это государство»²⁵.

Как же возможно объяснить различие между культурой и языком чувашского и татарского народов? Почему в Волго-Камье возникло два тюркоязычных народа, а не один? Наши предположения относительно этого вопроса в самых кратких чертах сводятся к следующему.

В середине первого тысячелетия н. э. в Волго-Камье, на границе лесной и степной зон, обитали различные племена, южная (условно сарматская) группа которых начала подвергаться тюркизации. В болгарское время, когда сюда проникли обитатели степного Приазовья, когда здесь возникли классовое общество и государственность и появились торговые города, связанные с Востоком, процесс тюркизации значительно усилился, захватывая более широкий (уже не только условно сарматский) круг местных племен. В языковом и этническом отношении все волго-камские племена развивались в этот период в общем направлении, в известной мере подобно тому, как в эпоху Киевской Руси развивались в общем направлении все восточнославянские племена.

Местные племена, вошедшие впоследствии в состав татарского народа и обитавшие ниже по Волге, чем предки чуваш, издавна значительно больше, чем последние, были связаны с миром степей. Процесс тюркизации не мог не разворачиваться здесь более энергично. И в то время, когда в среде предков чувашского народа этот процесс не пошел дальше того уровня, какой был достигнут в эпоху Волжской Болгарии, в среде предков татарского народа он продолжался и впоследствии. Еще в эпоху Волжской Болгарии сюда проникали печенежско-огузские и кипчакские (половецкие) элементы. Во время татаро-монгольского завоевания и в период существования в Волго-Камье Казанского ханства приток кипчакских элементов, доминирующих в европейской части Золотой Орды, не мог не продолжаться. В среде предков чувашского народа кипчакские элементы почти не проникали. Их язык развивался на местных и старых тюркских основах. Этим обстоятельством, повидимому, и объясняется, почему в Волго-Камье образовался не один тюркоязычный народ, а два — чувашский и татарский.

²⁵ Там же, стр. 146